

УДК [32:1]+17+81'42

ПОСПЕЛОВА Ольга Вячеславовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 40 научных публикаций, в т. ч. двух монографий и 4 учебно-методических пособий

ПОЛИТИКА, ЭТИКА И КОММУНИКАЦИЯ

Современная политическая мысль характеризуется повышением чувствительности в отношении вопросов нормативного характера. В связи с этим говорят даже о возрождении «практической философии», которая подверглась разложению ввиду возникновения позитивных наук об обществе. На сегодняшний день объединять вопросы политики, этики и коммуникации стало привычным способом рассуждения. В то же время не всегда оказываются прояснены причины такого объединения, а также вытекающие из него следствия. Автор следует разделению онтического и онтологического, сосредотачиваясь не на конкретных конвенциональных практиках, а на тех критериях, в соответствии с которыми явления и процессам приписывают статус политических. В данной статье анализируются несколько способов концептуализации политики, каждый из которых включает в себя тот или иной этический горизонт. Вслед за П. Рикёром автор принимает точку зрения, согласно которой рассуждения о связи политики с этикой выполняют роль антропологического введения и позволяют вплотную подойти к вопросу о субъекте политики. Субъект политики становится связующим звеном между политикой, этикой и коммуникацией, поскольку этическое самоопределение субъекта невозможно без желания сосуществования. С позиции деонтологии Рикёра, такие моральные феномены, как чувство долга и ответственности, носят респонзивный характер. Раскрытая Полем Рикёром в рамках феноменолого-герменевтического подхода сущностная связь деонтологического характера политической власти и коммуникативной природы политического бытия задает идейный каркас данной статьи.

Ключевые слова: политическая онтология, деонтология, Другой, «могущий» субъект, коммуникация.

Объединение политики, этики и коммуникации в рамках одной темы следует принципам архитектоники практической философии в том виде, как ее творили древние, и в том виде, в каком она возродилась в прошлом веке, подорвав господство позитивистской парадигмы в политических науках. Возрождение интере-

са к нормативному дискурсу, произошедшее в 70-х годах XX века, обусловлено рядом факторов как внутритеоретического, так и экстра-теоретического плана. Л.В. Сморгунов выделил следующие обстоятельства, послужившие причиной подобного поворота: левые движения 60-х годов, ограниченность позитивизма

и постпозитивизма в описании политики, новые морально-политические потребности в условиях кризиса либеральной идеологии [7, с. 217]. В ряду внутритеоретических факторов, повлиявших на смену установок, кроме ослабления эвристического потенциала позитивистских теорий, следовало бы также отметить растущее влияние различного рода критических исследований. Критическая теория в том виде, в каком она была сформулирована членами Франкфуртской школы в 1930-х годах, с самого начала отвергала демаркацию между этикой, политикой и «новой социальной наукой» дюркгеймовского толка. Именно в рамках критической теории, основные положения которой были изложены М. Хоркхаймером в программной статье 1937 года «Традиционная и критическая теория» [8], было вновь выдвинуто требование построения не только фактуального, но и нормативного знания об обществе.

Акцентирование нормативного измерения в современной политической теории позволяет сделать объектом теоретической рефлексии ряд вопросов, которые прежде считались делом метафизических спекуляций. Не ставя под сомнение заслуги позитивной науки об обществе в целом (и о политике в частности), все же нельзя не заметить, что появление новых парадигм позволило достичь лучшего понимания специфики политического измерения жизни общества. Так, позитивная наука о политике не уделяла должного внимания особенностям онтологического статуса политических фактов, что и приводило к игнорированию ряда проблем, находящихся на пересечении политики, этики и теории коммуникации.

Джон Сёрль, поднимая вопросы политической онтологии и минимальных условий существования политического, отмечал, что как это ни странно, но именно наиболее фундаментальные с философской точки зрения вопросы так и не получили достаточного освещения в европейской философской традиции. Его выводы относительно природы политических

фактов можно представить в виде следующих тезисов. Политическая сфера человеческого бытия возможна потому, что мы обладаем коллективной интенциональностью, которая роднит нас с многими видами животных, но в отличие от животных мы активно сознаем и используем символы, налагая функции на физические объекты. Результатом этого становится язык и создаваемый и поддерживаемый с его помощью институциональный порядок. Институты, будучи фактами агентивного наложения статус-функций, связаны с деонтической властью [10]. Однако вне зависимости от того, как мы относимся к аналитической трактовке политической онтологии, предложенной Сёрлем, невозможно игнорировать то обстоятельство, что политическая жизнь связана с борьбой за признание. Следовательно, политические вопросы, будучи вопросами столкновения интересов, по большей части оказываются одновременно и моральными вопросами. Само происхождение слова «мораль»¹ указывает на то, что ее пересечение с политической жизнью неизбежно.

Разумеется, обсуждая проблемы подобного рода, следует уточнить, какого типа знание о политике мы продуцируем. Здесь уместно обратиться к терминологическому разграничению *онтического* и *онтологического* в том виде, в каком оно было предложено Хайдеггером и использовано Шанталь Муфф для прояснения некоторых вопросов политической эпистемологии [4]. Онтический уровень предполагает анализ множества практик конвенциональной политики, тогда как онтологический будет касаться самого способа, которым происходит символическое установление общества. Если, находясь в рамках онтического, мы рассуждаем о политике с позиции политической науки, то, переходя на онтологический уровень, мы оказываемся в царстве *политической теории*. Политическая теория в отличие от политической науки интересуется не столько фактами, сколько сутью тех явлений и процессов, которым мы приписываем статус «политических».

¹ От лат. *mores* – традиции, нравы, обычаи, законы, жизненный уклад.

Итак, наши рассуждения протекают в рамках политической теории (а вернее – *теорий*) и касаются анализа способов концептуализации политики. Каждая политическая теория погружена в определенный интеллектуальный контекст и находится в тех или иных отношениях с эпистемой эпохи. Этическая традиция оказывается неустрашимым компонентом этого контекста, из чего можно сделать вывод, что каждый концепт политического имплицитно уже включает в себя определенные этические принципы. Такой взгляд чаще всего разделяют те исследователи, которые предпочитают исторически чувствительный подход к анализу политических теорий. В качестве примера можно привести позиции двух немецких исследователей – Ханса Майера и Дольфа Штернбергера.

Х. Майер выделил три традиции европейской политической мысли, каждая из которых предполагает свою этику: *греко-римскую, христианскую и традицию Нового времени*. Первая создала идею гражданской преданности государству, вторая сделала политическое действие подотчетным Богу и совести, а третья разделила власть и создала контролируемые сферы ответственности [9, с. 73]. Эти три элемента находятся в напряжении и взаимно изменяют друг друга, поскольку современная политическая этика должна говорить и об ответственности за общее благосостояние, и о совести, и о подотчетности политических институтов.

Штернбергер в своей работе «Три корня политики» (1978) заявил, что намерен рассматривать вопрос политической онтологии в духе «практической философии», вновь объединяя политическую теорию и этику [11]. Штернбергер демонстрирует нам, что любой политический термин содержит одновременно и некую этику политики. В качестве «трех корней», или трех истоков, политики он называет имена Аристотеля, Николо Макиавелли и Августина Аврелия. Направление, берущее начало в работах Аристотеля, а потом развитое мыслителями европейского Просвещения, он называет «*антропологическим*». Трактовку политики у Макиавелли Штернбергер определяет как

«*демонологическую*». Последнюю версию понимания сути политического процесса Штернбергер считает «*эсхатологической*»: она берет свое начало в работах Блаженного Августина («О Граде Божием»), а потом в секуляризованном виде появляется у Карла Маркса и Ленина, причем именно последний впервые перенес эти идеи в реальную политику.

Во всех трех случаях речь идет о совершенно разных явлениях, которые предлагаются в качестве «сущности политики». Каждый из этих случаев предполагает свою политическую этику. Версия Макиавелли содержит этику людей власти и государства власти. Цель – захват, удержание и преумножение власти, мораль же должна служить этой цели. Марксистско-ленинское представление о политике основано на этике революции и революционных действий, этике «классовой борьбы», принцип которой – великая, абсолютная цель оправдывает любые средства. Аристотелевское представление о политике Штернбергер распространяет на идеи эпохи Просвещения и, таким образом, – на либеральную теорию. Основным этическим принципом здесь является, по мнению Штернбергера, мирное урегулирование конфликтов в рамках основанной на согласии свободной конституции. Аристотелевская концепция политической этики скромнее в своих целях, чем две другие, и как раз поэтому она более разборчива в средствах. Разборчивость в средствах полагается, с одной стороны, на разум и добрую волю людей, а с другой – на ответственное управление.

Итак, этот небольшой обзор позволяет нам увидеть, что каждый этап в развитии политической теории связан с определенным этическим горизонтом. Неслучайно Аристотель в начале «Никомаховой этики» говорит о политической жизни как о реализации преимущественно этических целей [1]. И хотя современная политическая мысль имеет серьезные отличия от древней практической философии, а многие сторонники «реалистического» подхода стремятся и вовсе элиминировать этическую составляющую политических процессов,

неоднозначная связь политики и этики постоянно заставляет нас возвращаться к вопросам их отношений, сложность которых – прекрасный стимул для развития теории.

Пересечение вопросов этики и политики требует для своего анализа привлечения философских методов. Глубокую проработку данной темы с позиции феноменологической герменевтики можно найти у Поля Рикёра. Прежде всего, следует отметить, что Рикёр предложил разграничивать мораль и этику, когда мы говорим об их присутствии в политике. Это различие оправдано не только в личностном, но и в институциональном плане. Основанием для такого разделения оказывается тот факт, что вопросы деонтологии включаются в спектр этических проблем, но отнюдь их не исчерпывают. Древняя практическая философия, в недрах которой и произошло зарождение политической теории, в качестве своей центральной идеи рассматривала идею блага. Для Рикёра все, что связано с рассуждениями о благой жизни и стремлении к ней, составляет предмет этики. Мораль же связана с должествованием, с законом и нормой, разрешением и запретом. Если в случае этики мы имеем дело скорее с субъективными интенциями, желанием блага и вариациями индивидуальных смыслов, то мораль говорит об эпистемологически объективных нормах и законах, чьими отличительными характеристиками выступают претензии на универсальность, императивность и принудительная сила [6, с. 38].

Рассуждения о связи политики с этикой и моралью, по мнению Рикёра, выполняют для политической философии функцию своего рода антропологического введения, цель которого – анализ структур личностной идентичности. В центре этого рассуждения оказываются такие вопросы, как «Кто говорит?», «О ком говорится?», «Кто совершает действие?», «Кто несет ответственность?». Наличие в этих вопросах вопросительно-относительного местоимения «кто» указывает на принципиально агентивный, субъектный характер политической жизни. Среди этих вопросов первый – «Кто

говорит?» – отсылает нас к тому прагматическому повороту в анализе языка, который связан с аналитической философией и рожденной в ее недрах теорией речевых действий. Рикёр высказывает пожелание, чтобы эта теория не ограничивалась высказываниями, но распространялась бы и на самого говорящего. Эта мысль Рикёра оказывается созвучной представлениям о том, какова должна быть наука о языке, развиваемым одной из основоположниц постструктурализма Юлией Кристевой. По ее убеждению, каждая лингвистическая теория опирается на некоторую концепцию субъекта. Исходя из концепции «говорящего субъекта», Кристева относится к языку не как к универсальной системе, а как к набору специфических дискурсов [3, с. 256]. Отсюда – связь языка и политической жизни. Согласно Кристевой, все значения контекстуальны. Чтобы пояснить это положение, она интерпретирует бахтинский анализ классовой борьбы в языке. Знак, согласно Бахтину, становится аренной классовой борьбы, т. е. различные классы, использующие один и тот же знак, имеют тем не менее различно ориентированные интересы [2]. «Быть аренной борьбы» – неотъемлемое свойство знака, и это напряжение не может быть аннигилировано в случае победы одной из сторон.

Как и Кристева, Рикёр обращается к сфере дискурсов, что позволяет ему сделать логический переход от вопроса «Кто говорит?» к вопросу «Кто является автором этого действия?». Этот переход возможен благодаря тому простому факту, что дискурсивные акты уже сами по себе являются действиями. О каком бы типе практик не заходила речь – будь то профессиональная деятельность, игра или искусство, – ни описание, отвечающее на вопрос «Что?», ни объяснение, отвечающее на вопрос «Почему?», не могут дать нам полного понимания смысла действия. Связь между действием и его агентом – не предмет научного анализа, ибо это не факт, доступный наблюдению. Это, отмечает Рикёр, «способность, в реализации которой агент полностью уверен» [6, с. 40]. Данное суждение играет огромную роль для понимания

политического субъекта. Следующий шаг, позволяющий нам выйти на разговор об этико-юридической идентичности субъекта, связан с переходом от субъекта говорящего к субъекту повествующему. Повествование не только позволяет объективировать жизненный опыт, сделав его доступным другим, но и включает в себя аспект времен, а значит, и исторический контекст. Эти три основы – лингвистическая, практическая и повествовательная – необходимы, по мнению Рикёра, для появления этического субъекта. Можно сказать, что именно это этическое измерение, позволяющее субъекту самостоятельно выстраивать иерархии ценностей, оценивать себя, свои действия и ситуации, формировать предпочтения, позволяет «могущему субъекту»², обладающему только потенцией к действию, стать субъектом действующим, историческим и политическим.

Повествовательный компонент субъективной идентичности и обращение к социальному и историческому контексту выводят нас на еще одну проблему: взаимоотношения Я – Другой. Повествование требует слушателей, социальная жизнь сталкивает меня с другими людьми, история творится только через наложение многих индивидуальных перспектив и действий. Моральные, юридические, политические аспекты этой противоположности, отмечает Рикёр, проявляются в той мере, в какой роли говорящего и слушающего могут меняться местами. «Когда я говорю “ты”, я подразумеваю, что “ты” способен определить себя самого как “я”» [6, с. 42]. То, о чем говорит Рикёр, в феноменологической традиции определяется как «взаимозаменяемость перспектив». Взаимозаменяемость перспектив, позволяющая нам понять intersubjectивную природу социального мира, в свою очередь связана с тем, что в феноменологической традиции определяют как «персональную установку». Речь идет о восприятии Другого как со-конституирующего совместный мир субъекта. Несмотря на то, что Другой дается мне в опыте в первую очередь как *другое тело*,

я аппрецирую ему кинестетическое сознание и вследствие этого сознание интенциональное. Будучи направленным на мир, другое интенциональное сознание «производит смыслоучреждения из иных перспектив» [5, с. 36]. Понимание того, что Другой тоже определяет себя как «я», является, согласно Рикёру, начальным, фундаментальным условием для возникновения субъекта права, члена политического сообщества. Выражение «как и я» уже предполагает признание другого равным мне в терминах права и долга [6, с. 42].

Рикёр полагал, что политическая реальность, будучи институциональной, «раскалывает» Другого на «ты» и «любого» – того Другого, взаимодействие с которым опосредовано политическими институтами. Таким образом, у нас появляется триадические отношения «я – ты – любой». Количество тех, кто сможет стать для меня «ты», т. е. вступить со мной в отношения непосредственной коммуникации, всегда ограничено, тогда как тезис о взаимозаменяемости перспектив предполагает универсальность. Рикёр утверждает, что признание равенства другого в терминах права и долга, экстраполируемое на всех возможных собеседников, является социальным условием любого речевого акта. Это позволяет нам сделать переход от «ты» к «любому», поскольку язык способен как интегрировать, так и трансцендировать опыт и способствует универсализации позиций и принципов, ибо правила языка объединяют всех его носителей.

Для Рикёра, как и для Хабермаса, языковая коммуникация оказывается основой демократии. Коммуникация позволяет нам рационализировать действия, направленные на взаимное понимание, что в свою очередь является необходимым условием исторической эмансипации общества. Язык, будучи универсальным средством коммуникации, выполняет опосредующую функцию точно так же, как и социальные правила. Эти правила опосредуют наше взаимодействие как социальных и политических

² Фр. *un sujet capable* – термин, используемый П. Рикёром.

сущест. Такие опосредующие системы различного порядка Рикёр называет «порядками признания» (*ordres de la reconnaissance*). Включение в общую схему политической реальности «порядков признания» противостоит как слишком абстрактному подходу, который игнорирует личностный компонент, момент инициативы и вмешательства, посредством которого люди вступают во взаимоотношения с системами, так и подходу субъективистскому, рассматривающему в качестве модели политической жизни такие межличностные отношения, как дружба и любовь, и не принимающему во внимание тот факт, что сама организация социальных систем является обязательным посредником признания.

Во внимание стоит принимать не только правила действия, выполняющие функцию опосредования, но и пропозициональные установки, такие как моя уверенность в способности произвести действие, вера в наличие этой способности у других, а также доверие. Уверенность, переносясь на других, возвращается к самому субъекту, конституируя ее или его как *un sujet capable*, т. е. «могущий субъект». «Я осознаю, что я могу, и я верю, что ты можешь точно так же, как и я. И это именно ты, веря в меня, рассчитывая на меня, помогаешь мне оставаться могущим субъектом» [6, с. 43]. Именно наша вовлеченность и заинтересованность, желание жить вместе с другими оказываются психологическим фундаментом для политического бытия, одновременно являясь и условием всякой этики и морали. Этическое самоопределение субъекта невозможно без желания со-существования. В рамках деонтологии, развиваемой Рикёром, подчеркивается респон-

зивный характер таких моральных феноменов, как чувство долга и ответственность. «Другой» рассчитывает на мою способность держать слово, вызывает к моему чувству ответственности, тем самым делая ответственной меня.

Анализ политического, особенно сосредоточенный на вопросах коммуникации, неизбежно приводит нас к проблеме политической власти. Политическая власть представляет собой, с одной стороны, некое продолжение способностей, характеризующих «субъекта могущего», а с другой стороны – она есть условие их реализации. Эти способности могут развиваться лишь в институциональной среде, венцом которой становится сфера политики, понимаемая в арендтовском смысле как «сфера явленности». Для Рикёра идея явленности общественного пространства выражает прежде всего условие плюрализма, выступающего результатом распространения межличностных связей не всех тех, кто находится вне отношения «я» и «ты», а выступает в роли «любого» или «третьего» [6, с. 46].

Итак, в философском (деонтологическом) смысле гражданина следует определять как такого «могущего субъекта», рожденного в пространстве публичной явленности, задачей которого является не только участие в политической жизни, но и проявление особой бдительности в отношении политической власти, поскольку последняя неизбежно обременена внутренними противоречиями и парадоксами, могущими привести к разрушению сферы политического как области публичной коммуникации и тем самым к исчезновению того типа субъекта, который Рикёр обозначил как «субъект могущий».

Список литературы

1. *Аристотель*. Никомахова этика. М., 1997.
2. *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. М., 1993.
3. *Кристева Ю.* От одной идентичности к другой // От Я к Другому: сб. переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. Минск, 1997.
4. *Муфф Ш.* Пространства публичной полемики, демократическая политика и динамика настроений. URL: http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/muff_doklad1/ (дата обращения: 10.09.2014).
5. *Прехтль П.* Введение в феноменологию Э. Гуссерля. Томск, 1999.

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

6. Рикёр П. Мораль, этика и политика // Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
7. Сморгунов Л.В. Политическая философия и наука: от конфронтации к взаимопониманию // *Miscellanea humanitaria philosophiae*. Очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солони́на. Сер.: Мыслители. Вып. 5. СПб., 2001. С. 214–228.
8. Horkheimer M. *Traditionelle und kritische Theorie: Fünf Aufsätze*. Frankfurt, 1992.
9. Maier H. *Verteidigung der Politik. Recht – Moral – Verantwortung*. Zürich, 1990.
10. Searle J.R. *Social Ontology and Political Power*. URL: <http://www.law.berkeley.edu/cenpro/kadish/searle.pdf> (дата обращения: 10.09.2014).
11. Sternberger D. *Drei Wurzeln der Politik*. 2 Bände. Frankfurt am Main, 1978.

References

1. Aristotle. *Nikomakhova etika* [Nicomachean Ethics]. Moscow, 1997.
2. Voloshinov V.N. *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and the Philosophy of Language]. Moscow, 1993.
3. Kristeva Yu. *Ot odnoy identichnosti k drugoy* [From One Identity to Another]. *Ot Ya k Drugomu: sb. perevodov po problemam intersub'ektivnosti, kommunikatsii, dialoga* [From the Same to the Other: Collected Translations on Intersubjectivity, Communication, and Dialogue]. Minsk, 1997.
4. Mouffe Ch. *Prostranstva publichnoy polemiki, demokraticheskaya politika i dinamika nastroyeniya* [Space of Public Debate, Democratic Politics and Dynamics of Public Opinion]. Available at: http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/muff_doklad1/ (accessed 10 September 2014).
5. Prechtl P. *Vvedenie v fenomenologiyu E. Gusserlya* [An Introduction to E. Husserl's Phenomenology]. Tomsk, 1999.
6. Ricœur P. *Moral', etika i politika* [Morals, Ethics and Politics]. *Germenevtika. Etika. Politika* [Hermeneutics. Ethics. Politics]. Moscow, 1995.
7. Smorgunov L.V. *Politicheskaya filosofiya i nauka: ot konfrontatsii k vzaimoponimaniyu* [Political Philosophy and Science: From Confrontation to Mutual Understanding]. *Miscellanea humanitaria philosophiae. Ocherki po filosofii i kul'ture. K 60-letiyu professora Yuriya Nikiforovicha Solonina. Ser.: Mysliteli* [Miscellanea humanitaria philosophiae. Essays on Philosophy and Culture. To the 60th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin. Series: Thinkers]. Iss. 5. St. Petersburg, 2001, pp. 214–228.
8. Horkheimer M. *Traditionelle und kritische Theorie: Fünf Aufsätze*. Frankfurt, 1992.
9. Maier H. *Verteidigung der Politik. Recht – Moral – Verantwortung*. Zürich, 1990.
10. Searle J.R. *Social Ontology and Political Power*. Available at: <http://www.law.berkeley.edu/cenpro/kadish/searle.pdf> (accessed 10 September 2014).
11. Sternberger D. *Drei Wurzeln der Politik*. 2 Bände. Frankfurt am Main, 1978.

Pospelova Olga Vyacheslavovna

Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

POLITICS, ETHICS AND COMMUNICATION

Contemporary political thought is highly sensitive to normative issues. In this regard, the revival of practical philosophy, which had been in decay due to the emergence of positive social sciences, is being widely discussed by the academic community. Combining issues of politics, ethics and communication has become a common way of thinking. At the same time, reasons for such combination as well as consequences arising from it have not been clarified enough. The author highlights the division between ontic and ontological dimensions and focuses not on certain conventional practices but on those criteria according to which phenomena and processes are attributed a political status. This paper outlines several ways of conceptualizing politics; each of them has its own ethical horizon. Just as Paul Ricœur, the author believes that discussions about the connection between politics and ethics can serve as

an anthropological introduction and allow us to get down to the subject of politics. The subject of politics becomes a middle link between politics, ethics and communication because ethical self-identification is impossible without a desire to coexist. From the standpoint of Ricœur's deontology, such moral phenomena as sense of duty and responsibility are of responsive nature. The essential bond between the deontological character of political power and communicative nature of politics, described by Paul Ricœur from phenomenological-hermeneutic point of view, sets the theoretical framework of this article.

Keywords: *political ontology, deontology, the Other, un sujet capable, communication.*

Контактная информация:

адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2;

e-mail: polga74@gmail.com

Рецензент – *Дрегалю А.А.*, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления института экономики и управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова